

Любовь за невниманье упрекая,
Я приставал с расспросами к друзьям:
Скажите, - скоро?.. А она какая?
Да, погоди, еще узнаешь сам...
/ Е. Евтушенко /

Я рыдала навзрыд. Слезы капали в чашку с чаем, как частые дождевые капли в глубокую лужу, оставляя на поверхности расходящиеся круги. Рядом сидел Силантий, жалобно смотрел на меня глазами-бусинками и подвывал. Наш дуэт достиг самой высокой точки, когда в дверь призывно позвонили. Мы разом замолчали и повернули головы в сторону прихожей. Призыв повторился. Я шмыгнула носом и вопросительно взглянула на умного Силантия, ожидая от него предложений к действию или бездействию. Пес взял инициативу «в свои руки», посеменял к двери и застыл в позе копилки, наострив мохнатые ушки, пытаюсь понять, кто приперся в столь поздний час к его хозяйке, когда та находится в процессе саможаления. Я думала, что Силка громко рявкнет на непрошенного гостя, притаившегося по ту сторону, но он не желал выдавать нашего инкогнито, из чего я заключила, что открывать не стоит.

Но человек за дверью обладал настойчивостью на грани наглости и завидным упорством в сочетании с желанием окончательно вывести меня из равновесия. Надо признать, что его призывы отвлекли меня от невеселых дум, которые поселились в моей голове давно, но сегодня вдруг решили вылиться наружу в виде сокрушительного слезного водопада. Умные люди утверждают, что эмоции должны выходить наружу, иначе переживания негативно скажутся на сердце и других немаловажных органах. Я спорить с ними не берусь, напротив, подтверждаю научные выводы на практике, причем чаще, чем хотелось бы мне, поутру страдающей от припухлостей под глазами, и моему верному приятелю Силантию, вынужденному менять веселый нрав на горькое уныние.

Я на цыпочках подошла к двери и присела рядом с собакой.

- Может, откроем? – шепотом поинтересовалась я у второго члена моей небольшой семьи.

Силка склонил на бок пушистую голову с лохматыми ушами, задумчиво взглянул на дверь, затем на меня и неспешно проследовал в кухню, предоставляя мне право самой решать - открывать или нет.

В это время гость не выдержал и громко возмутился.

- Да, где она может быть?!

Голос был мне знаком и принадлежал психологине Трегубовой, с которой мы вместе ходили еще в детский сад, а после десять лет одной дорогой в школу. Я быстро расправилась с замками.

- Вилка, ну ты даешь?! Спишь что ли?

- Сплю, - соврала я, растирая кулачками глаза.

- То-то у тебя физиономия опухшая. Или снова жалела себя?

Я не стала отвечать, не желая услышать проникновенную речь дипломированного психолога, в которой будет масса правильных слов, совершенно не дающих мне подсказку – как жить дальше.

- Что снова роль в театре не дали?

- Все артисты в отпуске, роли начнут... раздавать в начале сентября. – В груди неприятно зануло. Я мысленно представила сбор труппы нашего театра, где главный режиссер станет делиться своими планами на предстоящий сезон. Мне снова достанется «голос за сценой», как любила говорить моя «добрая» подруга, призывающая бросить все к чертовой матери и заняться поисками мужа. На что я отвечала: Может, мне табличку на груди повесить и ходить с ней по улицам. – А что ты на ней напишешь? – загоралась непонятным желанием Ника. – Так и напишу корявыми буквами на необработанной

деревяшке «Ищу мужа». – Поставь восклицательный знак, - посоветовала подруга, будто этот факт имел немаловажное значение. Я с опаской взглянула тогда на нее и подумала, что профессия психолога своеобразно сказывается на работе головного мозга.

Пока я предавалась грустным размышлениям, Трегубова устроилась за столом, успев потискать Силантия, который любезно предоставил ей свое лохматое тело и морду кирпичиком. Изучила чашку с остывшим чаем, словно та могла дать ответ, что происходит в этом доме, но по все видимости не нашла, и стала с отсутствующим видом смотреть в темное окно, покачивая с независимым видом правой ногой, перекинув ее коромыслом через левую.

Я скрылась в ванне, умылась холодной водой и явилась в кухню посвежевшая, но с красным носом и заплывшими глазами.

- Чай будешь? – приторным до противности голосом спросила я, отодвигая на другой край стола чашку со слезами, как намек на мое неправильное поведение.

- Не хочу, - отмахнулась Вероника, продолжая изучать темный прямоугольник окна. – Пойдем лучше погуляем. Днем так солнце немилосердно палило, а сейчас красота! Воздух свежий, как на море!

- Не напоминай!

- Подумаешь, проблема! – возмутилась Ника и передернула худенькими плечиками. – Быстро собери вещи, закинь их в автомобиль и кати себе навстречу морским объятиям!

- Не хочу! – заявила я и попыталась придать своему голосу решительность, отметающую дальнейшие нападки.

Трегубова погрузила пальцы в копну роскошных медных волос, задумалась, затем стала медленно передвигать гребнем - кистью, вытягивая волосы строго перпендикулярно, а после уронила, от чего они обиженно рухнули на спину.

- Если у тебя материальные затруднения, - осторожно начала она, не уловив моего нежелания продолжать разговор на эту тему.

- Ах, оставьте! – театральным писклявым голосом пропела я, одновременно вскинув левую руку, приложив тыльную сторону ладони ко лбу, не забыв изобразить томление.

- Вилка, ты меня не проведешь! Опять рыдала над разбитой чашей своей любви? – она устремила взгляд на недопитую чашку с чаем, в которой плавала несчастная женская доля.

- Я Вам не Вилка, а известная актриса всея Руси Виолетта Самсонова, - хорошо поставленным голосом продекламировала я. При этом перекинула русую косу за спину и притопнула ножкой.

- Кончай балаган! – спокойным тоном призвала меня Ника. - Раз ты актриса... всея Руси, то побеспокойся о своей внешности. Нос так раздуло, будто ты его удобрениями поливала два дня кряду!

- Нос, как нос, - доложила я, ощупывая его ладонями, как пластический хирург перед операцией по коррективке оного.

- С таки шнобелем хорошо след брать! – хмыкнула Трегубова и стала изучать содержимое моего холодильника. – Виолетта Григорьевна, как вы живете? У Вас отсутствую съестные припасы! – возмутилась она, изучая срок годности на стаканчике с йогуртом.

- Весело! – бойко доложила я. - Мой вес находится в прямой зависимости от количества продуктов! Самый оптимальный вариант, когда их нет совсем. В этом случае нет желания открыть холодильник и поискать в нем что-нибудь вкусненькое, которое норовит просочиться внутрь моего организма и моментально отложиться на ненужных местах. – Я похлопала себя по выступающим набедренным дугам, которые меня жутко нервировали и огорчали. – Везет же некоторым, жуют без перерыва, запихиваются чем ни попадя, но не прибавляют ни грамма! – Я бросила взгляд на подругу, изогнувшуюся в поклоне. Платье–футляр ласково обнимало ее точеную фигуру и выставляло напоказ длинные стройные ножки.

- Вот и ешь больше! В этом случае организм не будет так радостно реагировать на любой продукт и удерживать внутри, боясь, что следующее жертвоприношение желудку настанет нескоро, поэтому нужен запас. – призвала Ника, с удовольствием откусывая от небольшого сырного прямоугольника, обнаруженного в недрах холодильника.

Собака смесовой породы, сочетающей благородного дворянина и обычного скотч-терьера, внимательно следила за жевательными движениями Трегубовой, надеясь на лакомый кусочек. Вероника смилостивилась и протянула остаток сыра моему вечно голодному псу. Силантий не заставил себя долго упрашивать, мгновенно слизнул и потянул кожаным носом-пуговкой, желая узнать, не осталось ли еще что-нибудь съестного.

- Вилка, ты ребенка кормила? – насторожено спросила подруга, и убрала за спину руку, словно боялась, что голодная собака не остановится на куске сыра.

- Естественно! – недовольно хмыкнула я. – Это не пес, а пылесос! Его сколько не корми, а он...

- В лес смотрит! – перебила меня Трегубова и перевела взгляд за окно, которое влекло ее, как глаз гипнотизера.

- Ладно, пошли на прогулку! - смилостивилась я.

Силка, заслышав кодовое слово, устремился в прихожую и стянул с вешалки поводок. Зажал его в зубах и выжидающе уставился на меня. Мы с Никой последовали за ним. Подруга сунула ноги в красивые плетеные босоножки, а я – в кроссовки, посчитав, что они отлично будут гармонировать с домашними шортами бежевого цвета и серо-бурмалиновой майкой, прозванной в народе алкоголичкой. Осуждающие взгляды Трегубовой и Силантия заставили меня затормозить и оценить себя в зеркале.

- А потом некоторые женщины сетуют на свое одиночество, - доложила психолог единственному понимающему ее собеседнику.

- Так ведь на улице темно, меня никто не увидит! – встряла я и их «содержательную» беседу.

- А еще лучше – распластаться по земле и передвигаться по-пластунски, избегая места, куда достаёт тусклый свет уличных фонарей. – Вероника недовольно покосилась на меня, оторвавшись от понимающей физиономии пса. – Как думаешь, Силка, этот наряд подходит для участия в «Зарнице», которую вздумали провести под покровом ночи? – она кивнула в мою сторону. Силка недовольно заурчал. – Верно! Этот наряд давно ждет мусорный контейнер!.. А почему твоя хозяйка находится в депрессии? Потому, что не хочет оторвать свои... килограммы от дивана и совершить увлекательную прогулку по магазинам. Она не слышала слова «шопинг» и не знает, какую роль он играет в жизни любой женщины вне зависимости от статуса и семейного положения. Лучше не поесть, но купить малюсенький подарочек, пусть это будет маленькая безделушка или яркий шарф, который поднимет настроение. Я не говорю о посещении салона красоты! – доверительно прошептала Ника громким шепотом, присев возле Силантия, увлеченно прислушивающегося к ее словам. – Одна наша общая знакомая, ты ее знаешь лет этак... пять...

- Четыре, - подсказала я.

Собеседники оторвались друг от друга и удивленно уставились на меня, словно впервые увидели. Вид у обоих был весьма недовольным, как у беседующих на скамейке в парке, где в их разговор вклинился субъект с неприятной наружностью и соответствующим ей низким интеллектом.

- Так, вот, - продолжила подруга, снова возвращаясь к прерванной беседе, куда мне не было доступа. - Наша общая знакомая не меняет свою прическу с... - она нахмурила лоб, подчитывая, сколько лет я заплетаю длинные русые волосы в тугую косу. – С рождения! – нашлась она, устав от математических прикидок.

- Я родилась лысой, как теннисный шар! – не выдержала я.

- Но потом быстро обросла и стала вплетать в косы ленты и вертеть кренделя. – отреагировала Трегубова, но головы в мою сторону не повернула. - Я помню, как твоя хозяйка пришла на утренник в детский сад с баранками на ушах.

- Не на ушах, а на голове!

- Но они оплетали уши, как витиеватые рога у какого-то барана... Забыла, как их называют. Не в этом соль. Значит, приходит она в детский сад такая набараненая, по двум сторонам головы два бублика, а посерединке каждого по уху. Красота, неопишная! Прическа под названием – все парни наши!

- Еще скажи смерть врагу!

- Конечно, смерть, - поддержала Трегубова и зыркнула на меня, словно хотела убедиться, что баранки не покидали мою голову с тех давних времен. – Увидишь один раз и так... впечатлишься от такого совершенства, что сердце не выдержит перегрузки от визуального блаженства и каюк в самом расцвете лет! – она ласково погладила пса по спине, будто его участь была предрешена, а он пока не догадывался. Потом решила присоединить себя к другу по несчастью. – Бедные мы, бедные! – запричитала подруга, - терпим, мучаемся, пытаемся перевоспитывать, но увы! Тебе легче, ты... четыре года рядом с этим чудом, а я терплю уже четверть века... - Она заново присмотрелась ко мне, - хорошо, хоть, бараниться перестала, а то я давно умерла от передозировки красоты.

- Ладно, уговорили, переоденусь.

- Футы-нуты, какие мы сговорчивые! Да, Силка? – пес подобострастно твякнул.

- Предатель, - выдала я и отправилась в комнату для поиска более подходящего наряда для прогулки с единственной подругой и собственной собакой поздним августовским вечером.

Не желая мучить друзей ожиданием, я быстро натянула джинсы и блузу-разлетайку, прозванную мадам Тругубовой «подстреленным платьем», из которого девочка Виолетта успела вырасти, но не заметила этого и с завидным упорством продолжает носить полюбившуюся вещь.

Ника снова вспомнила про баранки, которые будут весьма уместны к этому наряду, и, прихватив предателя Силантия, первой покинула мое жилище.

- А мне нравится, - пробубнила я, успев оценить свое перевоплощение, и последовала за ними...

На небо натянули темное покрывало, предварительно проделав кучу отверстий разного размера в определенном порядке. По другую сторону покрывала сосредоточился источник неестественно яркого света, проникающий через все дырочки и делая небо сказочно завораживающим с раскиданными звездами.

Я хотела упасть на скамейку и предоставить Силке полную свободу, но Вероника рявкнула на меня, обзвав обессиленной пенсионеркой, и потянула со двора, недалеко от которого располагался небольшой парк – самое подходящее место для вечернего моциона.

Несмотря на поздний час, в парке бурлила жизнь. Преобладала в основном молодежь, к которой я себя не относил, собираясь в ближайшем будущем разменивать четвертый десяток. Недавно один парень подрезал меня на дороге, выглянул из окна своего автомобиля и с улыбкой произнес: «Пардон!» Что должно последовать за этим извинением? Конечно, «мадам», но ни в коем разе ни слово-кувалда «тетя», которым он огрел меня по голове. Лучше бы он обзвал меня козой или еще каким-нибудь любезным обращением. Навскидку водителю было около двадцати пяти. Возникает резонный вопрос, сколько лет он прибавил к моим тридцати годам? Десяток, не меньше. Когда я рассказала об инциденте на дороге Трегубовой, надеясь на понимание, она недовольно хмыкнула и призвала давать отпор нахамам, а не страдать. Это раз. А на второе она выдала длинную тираду, смысл которой был ясен на первых тактах приятного голоса психолога.

Я должна остричь волосы, чтобы не было соблазна крутить дули на затылке, как это делают бабули, тем самым прибавляя себе возраст, придать тусклым прядям цвет и обновить гардероб, предварительно выкинув ненужный хлам их шкафа. Хламом подруга называла все вещи, бережно хранящиеся на полках и развешенные на плечиках. Тогда я сделала первый осторожный шаг навстречу преображения собственной внешности и выбросила пару платьев, в которые не влезала уже года четыре. Но хранила их в надежде, что мечта сбудется, и я вернусь в свои пятьдесят пять килограммов, сбросив перевес в шесть кило. Но замену им не нашла и каждый раз с тоской взирала на пустые вешалки, где когда-то висели дорогие моему сердцу наряды из прошлой жизни. Надо признаться, что одно платье я оставила в качестве эталона, изредка пытаюсь внедрить свое тело в его сжимающееся с каждым разом нутро...

Я приготовилась выслушать очередное рассуждение на тему «Как победить депрессию?», имеющей свойство обратного воздействия на мой ум, но Трегубова не стала мучить меня однообразием, лишь подхватила под руку и повела по аллее. Мы, молча, шествовали по парку, наслаждаясь вечерней прохладой, потеснившей дневную жару, впереди мотался совершенно счастливый Силантий, радуясь незапланированной прогулке. Он исчезал в придорожных кустах и тут же выныривал на аллею, показывая, что он здесь, рядом, и в случае чего готов постоять за дам. Мой пес вызывал такое умиление, бегая на своих коротких ножках и вертя головой-кирпичиком, что я в очередной раз решила: кроме него мне никто не нужен. Я не чувствовала себя одинокой, к тому же новый знакомый, если он замаячит на горизонте, станет относиться к Силке с пренебрежением, что негативно скажется на наших с ним отношениях. Почему мужчина должен невзлюбить такого замечательного пса, я догадывалась: Силантий загорится ревностью и станет постоянным третьим участником отношений между женщиной и женщиной, находящихся на этапе зародышевого состояния. В итоге ребенок – любовь так и не появится на свет.

Вероника отпустила мой локоть и шествовала по тускло освещенной аллее, как по подиуму: четко ставила ноги по невидимой ровной линии, вздернув носик и гордо задрав свою красивую голову, что свидетельствовало о наивысшей степени обиды на подругу, которая не желала следовать советам. Отличием от манекенщиц было лишь в расположении рук, сцепленных сзади в замок, что больше напомнило прогулку в местах более отдаленных, чем наш свободный южный город. Но противоречием служил взгляд, устремленный не под ноги, а на дырявое покрывало, которым укрылось на ночь небо.

Я ухватила за ее вывернутый локоть, не желающий сворачиваться колечком и, насупившись, промямила.

- Ника, я согласна.

- На что?

- На изменения.

- Всегда тебя нужно брать измором! – возмутилась подруга, но руки расцепила и благосклонно разрешила взять себя под руку.

- Не измором, а бойкотом. Тоже мне богиня молчания, - хмыкнула я.

- А что, и такая бывает? – заинтересовалась Трегубова. Я впервые удивилась ее неосведомленности. Мне казалось, разбуди ее ночью, задай любой вопрос, и получишь содержательный ответ. В общем, не Ника, а ходячая энциклопедия. Сколько ее помню, она все время читает, потому и заработала близорукость, которую скрывает с помощью контактных линз. Но и в этом Трегубова нашла выгоду – ее серо-голубые глаза стали насыщенного синего цвета, что в сочетании с ярко-рыжими волосами убивает мужчин наповал, она перешагивает через штабеля и следует своей дорогой, заявляя при этом: «Не мое!». На что ее мать, обеспокоенная нежеланием дочери нацепить на себя подвенечный наряд, спрашивает: «Как ты могла так сразу понять, твое или не твое, если на мужчину едва взглянула?» - « Легко! В голове не зашумело, в груди небрякнуло, ноги не

подкосились!» Я начинала глупо хихикать, представив, как моя подруга сначала напряженно прислушивается к урагану, бушующему в ее голове, затем прикладывает руки к груди, откуда хочется вырваться на простор сердце, а после падает, пронзенная взглядом мужчины, не пополнившего ряд на мостовой.

- Естественно! – снисходительно произнесла я, выйдя в лидеры. – Богиню молчания зовут Ангерона, ее изображают с зажатыми устами и приложенным к ним перстом.

- Надо бы организовать партию ее сторонников! – выдала Трегубова. – Создадим актив, который станет вовлекать в ее ряды членов для перевоспитания. Будем учить людей молчать!

- С какой целью? – подобралась я.

- У некоторых индивидуумов, что ни слово, то гадость, - скривилась Ника. – Они забыли великий и могучий, употребляя сленговые выражения и нелитературные изречения, которые стали у них некой связкой между словами. Идешь по улице и слушаешь эту грязь, словно купаешься в корыте, наполненном жижей из болота. Мы станем обучать людей новым словам, расширять их скудный пока лексикон, и учить сдерживать эмоции. Хочешь выплюнуть ругательство, сомкни уста и терпи, а еще лучше приложи палец, будто замок навесь.

- Как Аршавин, когда гол забивает! – изрекла я.

- Только не надо мне напоминать про российский футбол! – скривилась Трегубова, у меня и так настроение хуже некуда!

- Почему? Я же согласилась...

- Причем здесь ты... - отмахнулась подруга, чем несколько обидела меня. Я думала, что занимаю в ее жизни, если не первое, то второе место, уж точно. – Человек в преддверии дня рождения осмысливает прожитый год, тем более, накануне юбилея.

- Ты так говоришь, словно тебе полтинник грядет?! Подумаешь, тридцать лет!.. И не надо мне напоминать о возрасте! – наигранно возмутилась я, желая придать беседе жизнерадостный тон, и одновременно приобщиться к круглой дате, которая тоже маячит на моем горизонте.

- Кое-кто в тридцать лет уже занимает высокие посты! – надула губы Вероника.

- Тебе это зачем? Ты не карьеристка.

- Но... жизненные достижения должны быть!

- А то у тебя их нет! – заявила и уже собралась загибать пальцы, но мне под ноги кинулся Силантий и осторожно положил на асфальт свою добычу. Мы забыли о своем переходе с одного десятилетия в другое и с интересом уставились на предмет.

- Гав, гав! – возмутился пес.

Мы присели, желая рассмотреть находку. Надо сказать, что умная собака не подбирает на улице все подряд, из всеобщего хлама находит «подарки» для хозяйки с радостью и визгом вручает их. Я благодарю за внимание и прошу отнести вещь туда, где Силка ее нашел. Чужие заколки для волос, потрепанные кошельки с вывернутым нутром, туфель без каблука или порванный кроссовок на вскидку моего размера - мне без надобности. Но забота четвероногого приятеля очень трогает. И удивляет его понимание – за все время совместного проживания он ни разу не принес мужскую вещь. До сегодняшнего вечера.

У наших ног лежала курительная трубка. Я мысленно представила себе Артура Конан Дойля, затем Жоржа Сименона и закончила Иосифом Сталиным. Ни одна из кандидатур не завладела моим вниманием настолько, чтобы с волнением затрепетать, нарисовав вышеуказанных господ и товарищей на пороге своей квартиры, куда они неминуемо должны явиться за своей курительной собственностью. Только призраков мне не хватало! – подумала я, позабыв, что в наше время есть поклонники трубок, желающие оградить легкие от проникновения дыма, и которые видят смысл в оценке вкусовых качеств табака.

- Силантий! – заявила я, придав своему голосу укоризненные нотки, - сейчас же отнеси чужую вещь на место!

- Ее место не под стриженными кустами, а в руках джентльмена, - перебила меня Вероника, с интересом рассматривая находку моего пса. Силка возбужденно гавкнул, словно подтверждал. – Ну, и где ты ее взяла? – спросила подруга.

Собака радостно замахала мохнатым хвостиком и решительно направилась в прореху между кустами, мы, не сговариваясь, поспешили за ней. Неподдалеку был отчетливо виден спил некогда возрастного дерева, судя по диаметру сруба, возле него и начал головокружительное вращение Силантий, показывая всем видом, что трубка находилась рядом с натуральным табуретом.

- Философ, - протянула Трегубова.

- Скорее мечтатель, - не согласилась я, - сидел в отдалении от гуляющей толпы, курил трубку и грезил наяву.

- Наверное, писатель, - выдвинула предположение подруга.

- Или тунейдец! – выдала я, - а трубка ему нужна для конспирации. Сидел бы он просто так, все подумали, что лодырь, а с трубкой – значит при деле! Человек размышляет!

- Гомо очень-очень сапиенс! – задумчиво произнесла Ника и опровергла мою гипотезу, - у тунейдцев на такие трубки денежек не хватит.

- Тоже мне, знаток мужских атрибутов.

- Поверь, в этом я кое-что смыслю. – Она достала из сумки небольшой фонарик и прочла гравировку на чубуке. – Big Ben. Это вам не хухры-мухры!

- Футы – нуты, ножки гнуты! – покачал я головой. Меня поддержал Силантий недовольным пофыркиванием. - Трегубова, положи трубку на пенек, хозяин хватиться пропажи, покумекает, где мог забыть свою вещь и вернется за ней.

- Сядь на пенек, съешь пирожок, - пробормотала Вероника, пряча в сумку фонарик, а заодно и находку пса.

- Э-э-э, - протянула я, потеряв способность нормально изъясняться, и лишь водя указательным пальцем от предмета дамского туалета, куда спряталась трубка, до пенька, где ей место.

- Балда ты, Самсонова! – отрезала подруга. – Включи мозги! Неужели ты не понимаешь, что судьба в лице Силантия предоставила тебе шанс познакомиться с неординарной личностью?!

Я изучила в полутьме мордочку собаки, выступившей заодно с судьбой, и решительно мотнула головой, что на немом языке жестов означало полное несогласие с предыдущим оратором. Силка склонил голову на бок, будто уговаривал прислушаться к словам Трегубовой.

- У меня плохое предчувствие! – обрела я голос.

- Ерунда! – отмахнулась Ника. - Я уверена, что обладатель этой курительной трубки, - она постучала рукой по сумке, - тот мужчина, которого ты ждешь!

- Я никого не жду! - твердо произнесла я, потом недовольно хмыкнула, - может, он ТЕБЕ предназначен судьбой! Ты рвалась в парк, будто кто за руку тянул.

- Все для тебя, надежды и туманы, для тебя...

- Только не надо пошлости! – перебила я повеселевшую поклонницу Стаса Михайлова.

- Это не пошлость! - с милой улыбкой сказала Вероника, - это некоторые по консерваториям ходят, медитируют под классическую музыку, а нам смертным эстраду подавай! Мы театральные институты не оканчивали, в пьесах по Достоевскому не играли, бултыхаемся в жизненном море и выслушиваем истории чужой жизни, поэтому кое-чего повидали и имеем права давать советы.

Предатель Силантий подтвердил троекратным лаем и приобщиł тем самым себя к знатокам.

- Что ты от меня хочешь? – сделала я малюсенький отступной шаг. – Чтобы я сменила табличку на груди – вместо «ищу мужа» написала: Я нашла в парке трубку и так далее, с указанием ксерокопии одной из страниц паспорта.

- Можно подумать, что твое девичество играет роль в процессе возвращения потерянной вещи!

- А то! – возмутилась я. – Допустим, нахожу я дорогую трубку, не ищу повода для знакомства с растеряшкой, а несую ее домой, и вручаю сей предмет мужу.

- Фи, как неинтеллигентно! – передернула плечиками Трегубова. – Ты напомнила мне хозяйственного Силку: все в дом, все в дом! Ну, он собака, хоть, и чрезмерного ума, но ты должна понимать, что курительная трубка – вещь интимная! – Мы одновременно посмотрели на сумку, где спрятался от чужих глаз найденный предмет.

- Вероничка, прошу тебя, оставь трубку на том месте, где ее нашел Силантий! – заканючила я.

- Не надо увливать! Счастье само идет тебе в руки!

- У меня предчувствие! – напомнила я с грозным видом, отчего мой пес попятился и спрятался за Нику. – Силка, иди сюда, носитель счастья!

Собака мигом развернулась и почесала на аллею, будто не слышала моего призыва.

- Все, разговор окончен! – развела руками Трегубова, провожая взглядом Силантия, и потянула меня. – Завтра ты напишешь объявление и повесишь его на доске у входа в парк. Мужчина сообразит, где потерял трубку, вернется на место вчерашней медитации, поищет на полянке, затем заинтересуется доской объявлений.

- Совдепия какая-то! – нахмурилась я.

- Конечно, более современно воспользоваться интернетом, но по старинке надежнее.

Мне представился старичок, не кумекающий в компьютерах, который наденет на нос пенсне, вплотную приблизится к доске, заклеенной обрывками объявлений, радостно воскликнет, прочитав о моей находке и отправится по указанному адресу, не забыв вознаградить меня, предложив дряблую руку и больное сердце. Он опередит меня, заявив, что отказ убьет его. Все последующие годы я проведу у постели немощного старика... Нерадостное будущее, замаячившее передо мной, заставило выхватить сумку у подруги, бесцеремонно покопаться в ней и вытащить курительную трубку. Зажав ее в руке, я скользнула за кусты, быстро избавилась от находки, со всей дури грохнув по пню, и обтерла руки о подстреленное платье.

- История пришла к логическому завершению, не успев раскопчегариться! – радостно воспела я, развернулась на сто восемьдесят градусов и столкнулась нос к носу с Трегубовой.

- Не выйдет, моя дорогая! – помахала она пальчиком- маятником перед моим лицом, обогнула меня и забрала трубку. – Теперь ты ее увидишь в тот прекрасный день, когда на пороге твоей квартиры появится лондонский денди!

- И что я ему скажу? Проходите, уважаемый господин, присаживайтесь, а вашу трубку подруга доставит через... сутки, пока мы лучше не узнаем друг друга. Прямо, как в «Бриллиантовой руке»... Только там речь шла о халатике с перламутровыми пуговицами.

- Вилка, ты иногда говоришь умные вещи! – восхитилась Вероника. – Он приходит, ты звонишь мне и произносишь пароль... Если мужик подходящий, ты допустим скажешь: «Береги себя, не превышай скорость! Надеюсь, мой гость не обидится, если...

- Если ты приедешь после празднования серебряной свадьбы! – съязвила я.

- Дурында! – отмахнулась она. – Если кандидатура не проходит по всем показателям, то незачем чай распивать! Ты звонишь мне, говоришь: «Быстро приезжай!» И я лечу.

- На полет уйдет не менее получаса, - нахмурилась я, - что я с ним буду делать?

- Позови соседа, Карузова Олега, пусть пофилософствует. Ему все равно с кем болтать, были бы уши свободные. И тебе спокойнее и парню тренировка языка.

- А если Олега дома не будет?

- А где ему быть? Он два месяца в отпуске, как принял экзамены в июне, погулял на выпускном у оперившихся студентов, так и сидит в четырех стенах, пишет докторскую.

- Что-то ты много знаешь о моем соседе? – самодовольно произнесла я, словно уличила подругу в скрытой связи с преподавателем философии.

- Я его каждый раз встречаю, как к тебе прихожу. Он, будто чувствует мое приближение, я в лифт, он из лифта, успеваем обменяться фразами. – голос Трегубовой странно дрогнул, добавив к моим догадкам многоточие.

Я мысленно выстроила в ряд всех поклонников Вероники по незаурядным внешним данным, и веснушчатый дылда Карузов занял почетное последнее место. Тогда я подошла с другой стороны, сосредоточилась на душевных качествах, и Олежка сместился на передний край. Пораскинув мозгами, я решила, что душа первична, а красота вторична, и успокоилась...

Всю дорогу к дому Ника заражала меня своей авантюрой, как вирусной инфекцией, пока бактерии не поселились в моем организме, победив иммунитет, и я сдалась.

Почему бы нет? – спросила у самой себя, повеселела и стал напевать придуманную на ходу песню про психолога и философа, которые, конечно, пара, в отличие от дельфина и русалки. Трегубова снова беззлобно обозвала меня дурындой, села в свой «Фольксваген Жук», приказным тоном напомнила об объявлении, которой должно красоваться на доске в девять утра, надавила на мою сознательность, хлопнула дверцей и укатила, моргнув на прощанье фарами...

В восемь пятьдесят пять мы с Силантием вышли на прогулку. Я беспрестанно оглядывалась, пес метался под ногами, вместе мы напоминали дуэт агентов, случайно оказавшихся на вражеской территории и не обеспеченных инструкцией. В левой руке я несла лист бумаги, сложенный трубочкой, а в правой держала поводок. Связь с Силкой посредством кожаной нити успокаивала гулко бьющее сердце, заставляя его перейти на нормальный ритм. Мы пересекли дорогу в положенном месте, сбавили темп, я нацепила на лицо маску полнейшего равнодушия, поозиралась по сторонам, радуясь, что надела темные солнцезащитные очки, скрывающие мой мечущийся взгляд. Затем выбрала подходящий момент, когда одни прохожие удалились на достаточное расстояние, а другие пока не приблизились и не заинтересовались моими манипуляциями с объявлением, мазнула по периметру бумаги клеящим карандашом и ловко прилепила его на доску, проведя кулачком по лицевой стороне.

С чувством выполненного долга мы укрылись в парке.

- Лучше бы я отправилась в салон красоты и остригла свои волосы, а после стала бродить по магазинам, - поделилась я с Силантием. Он не понял связи и сосредоточенно уставился на меня глазами-бусинками, ожидая дальнейших пояснений. – В связи с возникшими обстоятельствами я не могу надолго покинуть квартиру, вдруг явится ОН, а меня нет.

Пес склонил голову-кирпичик, выказывая недовольство в купе с непониманием.

- Не волнуйся, я буду гулять с тобой, но недолго. – Силка развернулся и посеменял по аллее. – И не нужно возмущаться, я уговаривала тебя вернуть трубку на место, а ты не послушал.

Весь вид моего приятеля говорил о том, что он сам сожалеет о поступке и впредь не станет тащить мне находки в подарок. Мы позволили себе погулять целый час, надеясь, что человек, потерявший курительную трубку, не сразу сообразит, где ее искать.

- Терпеть не могу сидеть и ждать, - заявила я по возвращении в родные стены, и решила занять себя уборкой. – Пылесосить не буду, этот агрегат новейшей конструкции так ревет, словно на самом деле вертолет, выискивающий место для посадки, поэтому я могу прозевать приход гостя.

Я встала на табурет и начала снимать с крюков шторы, желая подарить их стиральной машине, которая их вернет через полтора часа совершенно в другом состоянии. Когда

процесс освобождения карнизов от шелковой ткани подходил к концу, переливчато затрезвонил звонок, ему начал вторить охранник квартиры, а я чуть не свалилась от неожиданности с табурета. Мысленно обозвала себя трусихой, пошла в прихожую и, не взглянув в глазок, распахнула дверь, ожидая увидеть если не режиссера Говорухина, то двойника покойного Олега Янковского, который всегда был для меня олицетворением интеллигентности в сочетании с лукавством, но не коварством. Обе известных личности увлекались курением трубки, о чем я была осведомлена благодаря многочисленным интервью.

- Мама дорогая, - вырвалось у меня от неожиданности. – Вы кто? – спросила я у невзрачного субъекта в бесцветной кепчонке, застиранной полосатой шведке и брюках, по который плакали стиральный порошок и утюг. На ногах прищельца красовались сандалии времен, если не Очакова и покоренья Крыма, то расцвета социализма, уж точно.

- Марсель, - недоуменно ответил субъект, словно мы на протяжении нескольких часов играли с ним в города, а я сподобилась, наконец, поинтересоваться, как его зовут.

- Леон, - на автомате ответила я, потом потрясла головой, возвращая мозги на место. – Причем здесь порт Франции?

- Меня зовут Марсель, - гордо доложил мужик, рост которого не достигал моего плеча, от чего он смотрел на меня, задрав голову. Я испугалась, как бы он сам не запрокинулся, уж слишком больших размеров была его голова, отклоненная сверх нормы. – Друзья зовут меня Марс.

Я с испугом заглянула ему за спину, выискивая толпу приятелей, решивших присоединиться к Марселю. На мою радость, мужик пришел один. Небритость на его физиономии не превращала его в брутального мужчину, а четко давала понять - увлечение алкоголем настолько завладело им, что уход за собой давно ушел на двадцать второй план.

- И что Вам угодно, Марсель? – великосветским тоном спросила я, складывая руки калачиком на груди. Страх отступил, будто его и не было, тем более я чувствовала поддержку четвероного друга, притулившегося к моей ноге, и с интересом ожидающего развития событий.

- Так... это... я за трубкой пришел, - набычился мужик, оторвав от меня свой затуманенный взор и собрав на подбородке складку.

Ну, и носяра, - не к месту подумала я, оценив нюхательный орган. – Такой за версту выпивку чует. Его внешность так заинтересовала меня, что я упустила последнюю фразу.

- Мадам, не соблаговолите ли вернуть чужую вещь? – задал он вопрос, а я покатила со смеху, сопоставив облик и с трудом выговоренное предложение, которое он учил несколько часов, позабыв сменить тряпки, подходящие для общения с друзьями, нарекшими мужика Марсом, именем древнеримского бога войны, но совершенно не соответствующие нашей аристократической беседе.

Воспоминание о войне несколько отрезвило меня. Неизвестно, чем закончится наш разговор.

- Ка... какую вещь? – не сообразила я, восхищенная необычным видом гостя. Такие люди ко мне не заглядывали.

- Трубку! - громко произнес он, не надеясь на мой хороший слух.

- Трубку, - повторила за ним я и глупо хихикнула, представив его на пне, возле которого был обнаружен предмет преткновения, в позе задумчивости с бутылкой дешевого пива в одной руке и курительной трубкой фирмы Big Ben в другой.

- Некрасиво, барышня, - начал он меня корить, но я не стала выслушивать продолжения нотации и неожиданно для себя заявила.

- У меня ее нет! – и показала ладони в качестве подтверждения.

- Как это... нет? – грозно спросил он.

- Трубка у подруги, а она уехала в деревню, но завтра вернется, - залилась я соловьем.

- Завтра? – Марс свел кустистые брови и задумался.

- Это же не вопрос жизни и смерти, поживите денек без трубки. Но завтра, - с чувством заверила я и приложила руку к груди, - обещаю вернуть в целостности и сохранности! – С пионерским задором заверила я.

- Хорошо, - быстро согласился он и, не произнеся слов прощания, стал спускаться по лестнице, проигнорировал лифт.

Я закрыла дверь и заметалась по прихожей, не решив, куда податься: к телефону, чтобы известить о визите подругу и порадовать ее моей сообразительностью, к окну, чтобы проследить, в какую сторону гость двинет или продолжить возню со шторами, свисавшими с карниза водопадом. Последнее сразу отпало, порыв хозяйственности быстро накатило и сразу отступило, как волна от берега.

Сегодня я почувствовала себя матерым детективом, не иначе подействовало приобщение к предмету, принадлежащему Шерлоку Холмсу и комиссару Мегре. Я скользнула в кроссовки, извинилась перед Силантием, прихватила очки - атрибут сыскаря, пестрый платок, небрежно брошенный на полке, и выскочила из квартиры, повторив маневр Марселя, предпочитавшего пеший спуск.

Мой гость покидал наш гостеприимный двор. Его коротконогую квадратную фигуру я успела уловить краем глаза, задумалась о средстве передвижения, выискивая свой автомобиль на парковке у дома, но побоялась потерять время и упустить мужчину из вида, поэтому потрусилась за Марселем, надеясь, что тот не сядет в припаркованный неподалеку «Мерседес» последней модели, оставив меня «с носом». Не думаю, что странного вида субъект слывет среди богемы эпатажным миллиардером.

Марс замер на автобусной остановке, чем невероятно успокоил меня: не зря я «навешала ему лапши на уши», заподозрив неладное. Его не интересовал окружающий люд, он сосредоточился на собственных мыслях, не приходя к окончательному выводу – просветления на физиономии не наблюдалось. Я подсматривала за ним из-за киоска, торгующего свежей прессой. Оторвавшись на несколько минут от мужчины, я повязала на голову платок, спрятав под него нелюбимую подругой косу, оценила собственное изображение в стекле киоска, прибавила очки и с удовлетворением отметила преобразование. Я походила на колхозницу на прополке грядки с овощами, позабывшую переодеться после вечерних танцев в клубе, солнцезащитные очки так же не соответствовали образу героини села, но мне собирательный образ понравился.

В это время к остановке подошел автобус, и Марсель присоединился к группе желающих внедриться в него. Я метнулась к двери, но передумала. Заметила припаркованные у обочины дороги такси и изнывающих от скуки водителей, выбрала молоденького паренька и села на переднее сиденье рядом с ним.

- Куда? – бесцветным голосом поинтересовался он.

- Пока вперед! – приказала я и показала рукой, в какую сторону ему двигать, напомнив вождя революции, указывающему трудовому народу путь в светлое будущее. Неизвестно, куда меня заведет собственное любопытство...

Безразличие молодого поколения сыграло мне на руку, водитель рванул с места, но сразу был остановлен.

- Молодой человек, не торопитесь, меня укачивает, - нахмурилась я и приложила ладонь к губам, словно процесс уже пошел. У парня появилось такое отвращение, что я подумала, он выставит меня, но он заявил.

- У меня сестра такая же. Вы окошко откройте и напевайте про себя, говорят, помогает.

- Мне помогает, когда едут со скоростью пешехода... Или чуть быстрее, - успокоила я. – Не волнуйтесь, я хорошо заплачу.

Я намеренно не стала просить ехать за автобусом двадцать первого маршрута, в который погрузился Марсель, как это делают в детективных сериалах. Едва ли водитель захочет присоединиться к моему гражданскому подвигу.

Когда автобус замирал на остановках, мне становилось совсем «худо», и водитель такси был вынужден останавливаться. Хорошо, жителей города убавилось вдвое в августовский цейтнот отдыха, а они не позабыли прихватить с собой транспортные средства, разгрузив проезжую часть, поэтому проблем с парковкой не возникало. Марсель не появлялся, мне становилось легче и такси продолжало черепашьё движение. Когда автобус свернул на улицу Красноармейскую, а сразу решила, что объект наблюдения до конечной остановки не покажется. Расплывчатые предчувствия родились еще вчера, а сегодня превратились в осознанную чуйку.

Водитель стал сомневаться в моем недомогании, заметив возбужденное сверх меры состояние. Я пошла на риск и приказала ехать на вокзал, где была конечная остановка интересующего меня автобуса со странным пассажиром.

Проверю свою догадку: если Марселя не будет, значит, курительная трубка, действительно, принадлежит ему, а все остальное мои домыслы. Я еду к Веронике, забираю у нее найденную накануне вещь и завтра со спокойной душой возвращаю законному владельцу. В противном случае, я убеждаюсь в своей правоте, продолжаю следить за мужчиной и пытаюсь понять, зачем ему понадобилась чужая трубка...

Я щедро отблагодарила парня, он так растрогался, что пожелал мне здоровья и счастливого пути.

- Куда? – не сообразила я, забыв, где нахожусь.

Водитель только сейчас заметил отсутствие багажа и быстро сориентировался.

- Вы, наверное, гостей встречаете! Я могу подождать и довести вас до места.

- Спасибо, мы назад не скоро, - пролепетала я и покинула салон такси, больше напоминающий сауну. Не знаю, что подумал про меня парень, может, решил, что я разобью шатер на привокзальной площади и стану принимать в нем гостей, подобно Муамару Каддафи, который в спокойные для Ливии времена путешествовал со своим передвижным домом, куда навевывалось руководство принимающей стороны. В любом случае мнение водителя меня не трогало, мысли занимал оставленный без присмотра мужчина по имени Марсель.

По моему лицу текли струйки пота. Я стянула косынку и подставила легкому ветерку свою распаренную голову, не забыв укрывшись под раскидистым тополем. Ждать пришлось недолго. Когда автобус радостно распахнул двери немногочисленным пассажирам, вытерпевшим перегрев до конечной остановки, мое сердце трепыхало, как лист под напором воздушных масс. Еще немного, его сорвет с ветви и унесет в неизвестность.

Неизвестность... Пан или пропал... Повезет или я, как всегда останусь в накладе...

А почему, собственно, я с нетерпением жду этого носатого хмыря! – мысленно возмутилась я. – Все складывается, как нельзя, лучше. Его нет, завтра я, вернее сегодня, поеду к Трегубовой...

Фамилия подруги стала поперек горла – из автобуса показалась знакомая фигура в кепке, с достоинством проигнорировавшая здание Главного Железнодорожного Вокзала, и отклонилась влево.

Могу предположить, что он обитает в местных трущобах? - пришла на ум очередная догадка, но как пришла, так и ушла, ее место заняла собранность и желание идти до победного конца.

Я снова повязала на голову платок, завязав концы на затылке и скрыв глаза за солнцезащитными очками. Марсель шел впереди, за ним влюбленная пара, не перестававшая лнуть к друг другу, несмотря на повышенную прилипачность, за ними старушка с полосатой сумкой на колесиках, ведущая умную беседу с собой. Замыкала процессию я – Виолетта Самсонова, волею собственного пса сменившая профессию актрисы местного Драмтеатра на профессию детектива. Будет лучше, если я воображу себя главной героиней, которой выпало счастье сыграть роль в классном сериале!

Марс вошел в здание Пригородного вокзала и подошел к кассам. Я пристроилась за ним через четыре человека. Желаящих покинуть душный город было немало. К двум окошкам вилась очередь человек по пятнадцать, но люди отлетали от касс быстро, так что минут через двадцать Марсель уже называл станцию, до которой ему предстояло доехать на электричке. Я повторила ее, как пароль и получила заветный билет, с неудовольствием заметив, что благодарность водителю такси нанесла значительный урон моему материальному состоянию. На обратный билет мне хватало – это главное, а там будет видно, надеюсь, ночевать в чужом населенном пункте мне не придется...

Я не села с Марселем в один вагон, не думаю, что он заподозрил бы слежку и начал замечать следы, выскочив на первой попавшейся станции перед самым отходом электрички, отсекая от себя преследователя. Он был слишком погружен в собственные думы. Я пристроилась на скамейке рядом со словоохотливой пенсионеркой и поинтересовалась, далеко ли станция «Морская», на что мне был дан содержательный ответ, включающий перечисление всех предыдущих остановок, в итоге я сбилась со счета и в заключении услышала успокаивающую подсказку, позволяющую на время расслабиться.

- Минут сорок езды.

После ответа дама преклонных лет решила, что нашла благодарного слушателя и всю дорогу рассказывала о перипетиях собственной жизни.

Удивительно, - подумала я, выходя из электрички на нужной станции, - весь пересказ занял сорок минут... Жил человек, жил, а вспомнить почти нечего. Ну, родился, учился, женился... Или не женился, - вздохнула я, вспомнив о собственных неудачах в личной жизни, - годы прошли, ты оглянулся назад, увидел собственных детей и внуков, в лучшем случае, и горстку счастливых дней, непосредственно связанных с последующими поколениями. Увы, это все. Но кому-то достаточно и этих воспоминаний, но не самообман ли это? Не желание спрятать горечь от скоротечности жизни, не успевшей включить в себя все радости? Личные радости! От путешествий, знакомств, впечатлений...

Мои рассуждения были прерваны появлением на перроне Марселя, чему я была чрезвычайно рада. А то, что за моей спиной не выстроится стройный ряд детей, так еще не вечер. Может, Трегубова, как всегда, окажется права, и находка Силантия приведет меня по нужному адресу, где поселилось мое счастье?

Я осмотрелась на местности и поспешила за мужчиной, который уверенно спускался по лестнице. Моя вагонная собеседница уверяла, что здесь, на берегу Азовского моря, находится несколько баз отдыха и большой поселок. Вдруг я вспомнила, как много-много лет назад я отдыхала с родителями на одной из таких баз. Мама ворчала, что нужно было ехать в приличное место, где условия лучше и море не по колено, но нам с отцом нравилось брести по мелководью, взявшись за руки, и рассуждать на разные темы. Я всегда уважала отца на умение слушать. Мы медленно отдалялись от берега и говорили-говорили, не замечая, что наш путь занял немало времени, а мне всего лишь по грудь...

Не знаю, что ждет меня в ближайшем будущем, но я была благодарна Силке за нахлынувшие воспоминания, от которых на глаза навернулись слезы, а в носу защипало.

Марс шел вдоль забора той самой базы, где когда-то мы отдыхали с родителями, в груди поселилась щенячья тоска по прошлому, когда за тебя все решали близкие, когда ты доставал отцу макушкой до пояса, а в его ладони легко могли утонуть две твоих поцарапанных соседской кошкой кисти рук...

- Довольно! – приказала я себе решительным тоном, не заметив, что высказалась вслух.

- Извините, не расслышал, - сказал шествующий неподалеку интеллигентный мужчина возрастом за шестьдесят, с трудом удерживающий спину в строго вертикальном положении, заприметив во мне объект, способствующий поддержанию собственной формы.

- Мысли вслух, - улыбнулась я. Мужчина мне понравился, с первого взгляда я заметила, что старческое занудство не поселилось в нем, как и пренебрежение собственной внешностью. На нем были светло-бежевые брюки и сорочка в тон, приличные туфли стоимостью в несколько пенсий, свидетельствующих о наличии обеспеченных чад, в руках он нес черный кейс, не гармонирующий с его видом старосветского помещика.

- Леонтий Павлович Востриков, - представился он. Я пожалела, что на его голове отсутствует шляпа, которую он бы приподнял при знакомстве, вернув нас в начало прошлого века.

- Виолетта Григорьевна Самсонова, - ответила я и почувствовала, как лицо наливаются пунцовым цветом, как бочок яблока, выглядывающий из ветвей и пойманный солнечным лучом.

- Очень рад, - с чувством заметил Востриков и приложился к моей ручке, давно не бывавшей на экзекуции у мастера маникюра.

Говорила мне Ника, всегда надо быть во всеоружии, - мысленно взвыла я, еще раз окинув взглядом достопочтенного джентльмена. – Ты должна помнить, как Отче наш, - твердила подруга, - на женщине должно быть надето красивое белье! Вдруг представиться случай освободиться от одежды, когда тебя захлестнет волна сексуального желания, и что ты увидишь? – В порыве страсти, ничего! – отвечала я. – Ложь! Девушка в любом возрасте, стоящая на грани безрассудства, старается увидеть себя глазами мужчины, подталкивающего ее к краю обрыва! – изрекала Трегубова, прожигая меня возмущенным взглядом. – И что она заметит? Бюстик когда-то голубого цвета и трусики ядовито-лимонного с несуразным цветочком спереди, которые мгновенно отрезают молодого человека, вспомнившего в самый ответственный момент про неотложные дела и оставившего ее на краю обрыва!

Отсутствие маникюра – подобно несочетанию поношенного белья, - с неудовольствием заключила я.

Мы продолжали медленно передвигаться за неторопливым Марселем, что мне было на руку. Радовало присутствие немолодого человека, оказавшимся приятным нелюбопытным собеседником. Никто не заподозрит в слежке женщину, шествующую рядом с мужчиной, годящимся ей в отцы.

Жаль, что ему столько лет, - с горечью подумала я. – Вот бы встретить такого же, но вдвое моложе! - Размечталась я, не забывая улыбаться и покачивать в знак согласия головой.

Тем временем базы отдыха остались позади, впереди замаячил редкий лесок, сквозь заросли которого заблестело мелководное Азовское море. Марселю были привычны местные красоты, он смотрел себе под ноги, словно проселочная дорога таила в себе неприятные сюрпризы. Вскоре появились строения, это был поселок, о котором мне рассказывала попутчица. Я решила, что целью пути Леонтия Павловича является, именно, он, и совсем скоро нам придется распрощаться с ним, с человеком, неожиданно завладевшим моими мыслями. Я представляла его с курительной трубкой, которую перехватила Вероника, и млела от соответствия – Леонтий, как никто, прекрасно выглядел с находкой Силантия в руках!

Мое внимание перенеслось на объект наблюдения, который скрылся за калиткой. Его фигура с опознавательной кепкой на голове помаячила за деревьями и скрылась в одноэтажном кирпичном доме. Я резко затормозила, не доходя до него десятков метров.

- Ну, мне пора, - нашлась я и протянула руку седовласому мужчине.

- Вы здесь живете? – удивился Востриков и кивнул в сторону заинтересовавшего меня дома, к которому приклеился мой взгляд.

- Нет, я просто... прогуливалась, а теперь нужно возвращаться назад.

- На одну из баз отдыха? – я обреченно кивнула, устав от лжи. Сегодня мое вранье перевесило выдуманные истории за все легкомысленное детство.

- Я заметил Вас еще еще в электричке...

Сейчас начнется «вывод на чистую воду», - подумала я и превратилась в песчинку под ногами – так мне не хотелось быть уличенной во всех смертных грехах. Или начнет нести разную несуразицу, типа Вы мне так глянулись, что захотелось вспомнить молодость и приударить за Вами. А не разделите ли Вы мое одиночество? А не уделите ли полчаса старику, не держащему в голове разных непристойностей? Всего лишь чашка чая с моей стороны и благосклонная улыбка с Вашей...

Господин Востриков как-то сразу переменялся, даже помолодел лет на десять, исчез старосветский помещик. Передо мной стоял реликтовый барс, почуявшим добычу. С глаз исчезла пелена тумана, свойственная людям старшего возраста, которая ясно дает понять: они живут в мире воспоминаний, перебирая в грезах счастливые моменты прошлого, иногда выныривая из него, убеждаются, что там лучше и снова возвращаются в свой мирок. Они вальсируют туда-сюда, не задерживаясь в настоящем, где их ждут болезни и невнимания близких. Они мудры и выбирают мирное существование в кругу родных разных поколений и желают одного - переложить полномочия предводителя клана на другие, более выносливые плечи.

Передо мной стоял не пенсионер, переехавший в деревню, чтобы провести в расслабленной лени и подведении итогов жизни остаток дней, а руководитель холдинга, держащий в своих руках все бразды правления и не спешащий уходить на покой.

Поэтому я отмела мысль, что Леонтий Павлович станет раскидывать комплименты мой адрес, как семена в благодатную почву, и заверять в светлом чистом чувстве, родившемся в его сердце под стук колес электропоезда.

Я не стала брать инициативу в свои руки, а решила подождать продолжения, как в сериалах, когда одна серия заканчивается на самом интересном месте, и с нетерпением ждешь следующей.

Сегодня серии шли нон стопом. Востриков взял меня под локоток и увлек под сень раскидистой вишни, ствол которой почти сросся с коричневым забором. Под деревом стояла крепкая скамейка того же цвета, видно хозяева закупили коричневую краску в избытке. Мы дружно опустились на скамью и, не сговариваясь, покосились на дом, в котором исчез Марсель. Собственность носатого субъекта находилась через два двора от гостеприимного природного крова, скрывшего нас от любопытных глаз.

- Виолетта Григорьевна, я хочу признаться, что следил за вами от самого вашего дома. – доверительным тоном сообщил мужчина-барс, не выпуская из цепкой ладони моего локтя.

- Час от часу не легче, - выдохнула я и отодвинулась. – Зачем это Вам нужно?

Востриков хотел перейти к объяснениям, но в его кармане натужно завыл мобильный телефон. Он извинился, отошел на пару метров и тихо сказал.

- Да, Сережа... Со мной все нормально... Не волнуйся... Я должен был все сделать сам... Конечно, я тебе доверяю, но ты и твои ребята могли наломать дров, а я действовал осторожно... Сейчас?... Сейчас я на станции «Морская»... Знаешь, где это? Хорошо, я не стану лезть на рожон... Обещаю дождаться тебя...

- Леонтий Павлович, вы кто? – не выдержала я, внимательно выслушав монолог Вострикова и мысленно превратив его в диалог.

- Пенсионер, - недовольно заметил он, будто считал это слово уничижительным.

- Ну, да, - недоверчиво высказалась и стала изучать его туфли, как аргумент, уличающий его во лжи. Бывает день радио, день влюбленных, день матери, а сегодня день вранья, - с облегчением подумала я, сняв с себя груз ответственности.

- Пенсионером я стал недавно, а до этого руководил одной... организацией, - нашелся Востриков.

- Понимаю, - протянула я. – А организация эта известна не только в России, но и за ее пределами, - съязвила я.

- Почти, - расплывчато подтвердил мужчина. – Недавно передал бразды правления единственному сыну, а он...
- Не оправдал Ваших надежд, и пришлось вернуть себе руль, - перебила я, устав от тумана.
- Оправдал, но...
- Вы решили поделиться со мной своими семейными тайнами? – на сегодня я была полна чужими рассказами под завязку, как мешок с яблоками в урожайный год.
- Виолетта, Вы невольно оказались причастны к неприятной истории.
- Я? – наигранно удивилась я, приложив руку к груди, будто играла в пятнашки.
- Давайте я Вам все расскажу по порядку, - торопливо сказал Леонтий и присел на скамью. Вынос грязного белья из собственного дома давался ему нелегко – он призадумался, а я решила, что он передумал, сейчас распрошнется и уйдет, но нет... - Я остался вдовцом, когда сыну было семнадцать лет, он окончил школу, затем университет. Я звал его к себе на работу, но он не желал быть сыном при богатом папочке и отбыл в Москву, чтобы строить жизнь самому. Когда Владимир уехал, я впервые почувствовал одиночество. Целый день среди людей, а домой придешь, и волком выть хочется. Поэтому старался реже бывать дома. На одном светском мероприятии я заметил очаровательную девушку.
- Моложе на пару лет собственного сына, - не удержалась я от колкости.
- Вы правы, но Надежда показалась мне разумной и понимающей.
- Естественно, она сразу сообразила на каком мешке денег Вы сидите, навела справки о возрасте и радостно заверила в ответной любви, которая много времени не займет.
- Грубо, но доходчиво... Вы считаете, что меня давно пора сдать в утиль? – не обиделся он. В его глазах запрыгали чертики, словно он заставил меня решить сложную задачу и ждет, как я буду выкручиваться.
- Совсем нет, - покачал я головой. – Только Вы не там искали настоящие чувства. На светские вечеринки ходят дамы – рыбачки, - со знанием дела заявила я, словно не покидала таких мероприятий. – Она насаживают наживку- искренность на крючок и ловят уставших от многолетних трудов седовласых джентльменов. Преграда в виде пожилой жены для них не проблема, а уж, если мужчина холост, то... народные актрисы отдыхают!
- Вы так молоды, но чрезвычайно рассудительны! – восхитился мой собеседник. Чертики в глазах стали исполнять энергичный танец.
- Чего не скажешь о Вас! – отрубила я. – Однако мы отвлеклись от темы! – напомнила я. Чертики мгновенно исчезли.
- Меня захлестнула волна цунами, все завертелось, закружилось, очнулся я утром после бракосочетания. Надо признаться, что Надежда поначалу была примерной женой.
- Этак денька два, - вставила я очередную реплику. Я себя сегодня не узнаю! По жизни я человек терпеливый и тихий, смиренно ждущий ролей выше рангом, чем голос за сценой, безропотно выслушивающий наставления Трегубовой и обходящий стороной неприятности. Но после вчерашней прогулки я решила сменить амплуа и пошла ва-банк. Экая я рискованная девица! Это Силка виноват! – быстро нашла я объяснение своему поведению и с удовлетворением заметила, что Леонтий на меня не в обиде.
- Поболее, - задорно улыбнулся он и вызвал ответную улыбку на моих губах. – Сразу после женитьбы я решил больше времени уделять супруге, отойти от дел и вызвал сына.
- А на свадьбе он не был? – любопытствовала я, посчитав себя вправе задавать такие вопросы. Раз начал каяться, то пусть идет до конца!
- Признаюсь, я боялся открыться Владимиру, женился тайно...
- Под нажимом будущей супруги, которая испугалась, что сын отговорит отца от опрометчивого шага!
- Не в бровь, а в глаз. Но тогда я этого не понимал, думал, что хочу этого брака так же, как и Надежда. Я был слеп...

- Типичная история, - констатировала я, нервно барабанила пальцами по коленям, словно у меня из-под носа увели жениха, который был подходящей партией даже по мнению психологини Трегубовой. Раз история была типичной, я продолжила за Вострикова, - Владимир откликнулся на призыв и с удивлением увидел в родном доме нового обитателя, вернее обительницу с далеко идущими планами. Между самыми близкими Вам людьми разгорелась война, Вы металась от одного к другому, пытаетесь утихомирить страсти. Но безуспешно... Лучше бы Вы кошку завели или собаку. Вот у меня, например, отличный пес. Силантием зовут. Умнейшее и преданнейшее существо. Никаких мужей не надо!

- Так уж и не надо?! – заинтересовался Востриков, внимательно изучая мое лицо, снова превращающееся в румяное яблоко.

- Не будем обо мне, а то Вы до ночи не закончите рассказывать свою историю, а у меня Силка голодный сидит.

- Это серьезная причина, но я хотел, чтобы вы дослушали краткое изложение разыгравшейся пьесы, чудом не ставшей трагедией.

- Вы решили, что со сцены должен уйти третий лишний?

- Я не мог выбрать между ними. И не хотел этого делать. Мой сын не стал... воевать, как вы выразились. И не стал настраивать меня против супруги. Он был рад видеть меня счастливым и помолодевшим. Только жить с... мачехой под одним кровом, мальчик не пожелал. Однако Надежду такой исход не устроил, она сделала все возможное, чтобы рассорить нас с Владимиром. Я часто ссылался на занятость и уклонялся от посещения тусовок, которые любила жена. Поэтому уговаривал сына составить супруге компанию. Он не мог мне отказать, каждый раз оставляя мысли при себе. Я хотел, чтобы они подружились. Но хитрости и коварству Нади позавидовало бы самое страшное животное – росомаха. Эта женщина с ангельскими глазами наняла фотографа, сотрудничавшего с желтой прессой и умеющего высасывать сенсации из ничего. Например, женщина просит своего спутника убрать соринку, попавшую в глаз, мужчина наклоняется к ней, она кладет руки ему на плечи, а папарацци выбирает такой ракурс, что любой человек подумает, что это страстный поцелуй... В общем все в таком роде... Супруга оставляла эти грязные газетники на видном месте и ранила меня. Я заподозрил ее в связи с Владимиром и разругался с ним, не желая выслушивать его объяснений. Мальчик не повел себя, как незаслуженно обиженный подросток, не отгородился от меня, не вернулся в Москву, не захотел оставлять меня на съедение этой... росомахе. Мы каждый день встречались на работе, где я вводил его в курс дела. Постепенно я стал оттаивать и сообразил, что мой сын не позволит себе ранить меня и соперничать. Надежда просчиталась, я не только не исключил Владимира из завещания, но и усадил в свое кресло. После всплыла одна некрасивая история с ее участием, и я подал на развод.

- И она согласилась?

- Получила хорошие отступные и согласилась.

- А зачем Вы мне все это поведали? Пришло время исповедаться, а перед посторонним человеком это сделать легче?

- Моего сына вчера похитили. Думаю, моя бывшая супруга играет в этом деле не последнюю роль.

- А каким боком здесь я?

- Вы нашли трубку!

- Какую трубку? – искренне, как мне казалось, удивилась я.

- Курительную трубку Владимира, с которой он никогда не расставался. Еще подсмеивался, у меня от нее зависимость. Называл ее своим талисманом.

- А откуда у Вас эта информация?

- Вы повесили сегодня утром объявление у входа в парк!

- Так, стоп! – развела я руки в стороны, как это делают судьи на ринге, будто разводила нападки и намеки в мой адрес по разные стороны.

- Если я это проделала, то откуда Вы узнали, что Владимир обронил трубку в нашем парке, после чего вы взяли след?

- Я взял след, - повторил за мной Леонтий и хмыкнул, представив себя в роли розыскной собаки. Я ждала вразумительных объяснений, и они не замедлили последовать...

После ухода из родительского дома младший Востриков так и не вернулся туда после перемирия и расторжения брака с Надеждой. Он купил квартиру в высотке неподалеку от моего дома. После напряженного трудового дня молодой человек любил прогуляться по парку, посидеть в уединенном месте, выкурить трубку. Вчера все шло по тому же сценарию. Но как он оказался за кустами, где возле спиленного дерева остался лежать его талисман, для меня осталось загадкой, как и для его отца.

- Почему Вы решили, что в этом деле замешала Ваша бывшая супруга?

- Мужчина, который приходил к Вам за трубкой, ее дальний родственник.

- Тот носатый, что назвался Марселем?

- Я его видел однажды, вскоре после свадьбы. Он явился в мой дом, желая познакомиться, но я указал ему на дверь и попросил забыть дорогу...

- Когда Вы узнали, что сына похитили?

- Рано утром мне позвонил неизвестный и предложил выложить за сына энную сумму денег. – Я покосилась на кейс.

- Но как Вы узнали про оброненную в парке трубку и вышли на меня?

- Я сказал, что не верю, будто мой сын находится в их руках и захотел услышать его голос. Владимир повел себя странно: сразу понес околесицу, которая меня поначалу сильно взволновала, я подумал, что ему вкололи какое-то наркотическое средство, и он повредился рассудком. Его мало беспокоила собственная судьба, он тревожился о курительной трубке, как о собственном ребенке, снова вспомнил о зависимости, потом и вовсе заявил, если не выкурит ее, то может случиться непоправимое. Я внимательно слушал этот бред, стараясь, понять, куда он клонит. Мой сын не теряет голову в любой сложной ситуации, я был уверен, что услышу подсказку. Наконец, мальчик твердо заявил: «Я потерял ее в парке и надеюсь, что кто-то случайно на нее наткнулся, оказался чутким человеком и повесил объявление о находке». Ага, - решил я, на эту уловку мы поймаем похитителей. Я понял по голосу, что человек, выставивший условие по телефону, несведущ в таких делах, лишь выполняет чью-то волю. Он сам боится создавшейся ситуации и сделает все возможное, чтобы не нанести вред моему сыну. Следовательно, похититель поверит Владимиру, который начнет уверять, что без курительной трубки ему конец. Пришлось понадеется на авось. Авось кто-то найдет ее, авось не присвоит, авось сообразит и повесит объявление.

- Похититель такой наивный, что поверит, будто Вашему сыну каюк без трубки?

- Он же пришел к Вам.

- Но я постороннее лицо, нашедшее чужую вещь и выполнившее свой гражданский долг. Я могла отдать трубку и спать спокойно. Мне без разницы, гармонирует сей курительный предмет с внешним видом полубомжа Марселя или нет.

- Однако, как оказалось, Вам не все равно! И не говорите, что на Вашем месте так поступил бы каждый, нашел миллион долларов и вернул его законному владельцу!

- О миллионе долларов речи не было! Увы, мой пес нашел всего лишь курительную трубку, - наигранно вздохнула я. – Хотя, и без миллиона я живу прекрасно! Не в деньгах счастье!

- Вы бессеребренница?

- Бессеребренница, бесприданница, какая разница, - скусила я, - наши пути случайно сошлись и также разойдутся. Вы вернете себе сына, а я вернусь к Силантию и стану прогуливаться по парку...

- В поисках приключений, - перенял у меня Леонтий моду перебивать.
- Избави боже! – испугалась я. – Теперь мой умный пес осознал, что подбирать на улице всякую гадость опасно для жизни.
- А иногда и полезно!

Я пожалала плечами, устав от споров, от непривычной для меня слезки, от чужих исповедей, от привлекательных мужчин, под взглядами которых я краснею, как девочка-подросток.

- Виолетта, я Вам очень благодарен! – с чувством сказал Леонтий и накрыл ладонью мои кисти, сцепленные в замок на коленях.

- Пожалуйста, - глупо заявила я. – Но почему мы здесь сидим и не действуем? – Мне захотелось быстрее перевернуть последнюю страницу детектива и спокойно вернуться к повседневной привычной жизни, где не будет курительных трубок и человека, страдающей от табачной зависимости.

- Я обещал своему начальнику охраны, что не сунусь в бандитское логово, - с сарказмом произнес он, кивнув в сторону обычного строения, где жил родственник бывшей супруги.

- Но промедление... - начала я.

- Похитители не догадываются, что их вычислили, их умы занимает вопрос возвращения курительной трубки человеку, за которого они должны получить немалую сумму денег. Сейчас приедет Сергей с ребятами, и Вас отвезут домой.

- Ни за что! Я должна увидеть финальную сцену! Ведь пьеса шла при моем непосредственном участии. Вы не имеете права вывести меня из спектакля перед заключительным актом!

- Сдаюсь! – поднял вверх руки мужчина, а я подумала: интересно, сын похож на отца?

Внутри меня поселилось новое чувство. Пока без названия. Или его можно назвать нездоровым интересом? Оно возникло во время рассказа Леонтия Павловича. Когда он произносил имя своего сына, у меня что-то сжималось в груди, будто там сидел баянист и лихо наяривал на инструменте. Можно полюбить человека заочно, по фотографии, мне такие случаи известны. Можно заинтересоваться мужчиной, о котором восторженно рассказывает твоя подруга. Можно желать встречи, чтобы, наконец, увидеть его воочию и составить свое мнение. Но воспылать любовью к человеку, которого в глаза не видел и узнал о его существовании только сегодня, со слов отца, такого в истории еще не бывало! А может, и бывало, но мне такой случай неизвестен. Леонтий не соизволил его описать, я не знаю, блондин он или шатен, копия ли собственного отца? Оды в адрес сына, проскользнувшие в речи Вострикова, надо делить на два – какой родитель станет занижать оценку собственному чаду? Может, на самом деле он совсем не умен, похож на бабку в третьем колене, которая страдала от внешнего уродства, ко всему притягивает ногу при ходьбе, на лице шрам, оставленный на память о беспокойном отрочестве, а похищение организовал он сам, желая наказать отца за недоверие! Почему во время брачного периода господин Востриков поверил взбалмошной особе Надежде, а не сыну?..

Зачем я пририсовываю к внешности молодого мужчины несуществующие черты? Как в детстве, когда брала у отца газету и занималась изобразительным искусством, прозванным карикатурой по имеющемуся шаблону. Шаблоном служил портрет заслуженного в своем деле человека, которому, по моему мнению, больше бы подошли лопухие ушки, прическа а-ля «я только что-то из центрифуги», обязательный галстук-бабочка размером с голову и пикантные усы. Этим процесс творчества ограничивался. Сегодня я пошла дальше – наградила Владимира Вострикова «великолепными» чертами характера. Я догадывалась о причине моих придумок – хотела удалить баяниста и заблокировать заразную инфекцию, заполняющую мой организм...

В это время на дороге показались три черных джипа. Леонтий Павлович взял меня за руку, как маленькую девочку, мы поднялись со скамьи и замерли в ожидании.

Вереница автомобилей напоминала поездной состав - так они слаженно лавировали друг за другом по проселочной дороге.

Когда из джипов показались братья-близнецы в количестве двенадцати человек, Востриков недовольно покачал головой.

- Сергей, ну, зачем представление устраивать? Здесь не группа террористов засела!

- Кто их знает, - заметил квадратный Сергей размером с мой шкаф-купе.

- Ладно, пошли, - вздохнул Леонтий и повел нас к дому.

Едва мы хотели вступить на вражескую территорию, как дверь дома открылась, и на крыльце показался высокий крепкий мужчина. Он мне кого-то напомнил. Я перевела взгляд на Вострикова и... прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать. На крыльце стояла копия Леонтия, только моложе лет этак на тридцать.

- Владимир, - воскликнул отец и бросился к сыну, выпустив мою руку...

Я развернулась на сто восемьдесят градусов и дала деру. Не знаю, что на меня нашло, но убеждать в своих предположениях я не пожелала. Это не касалось внешнего облика младшего Вострикова, его я успела оценить по достоинству. Но неужели Владимир оказался расчетливым мстителем и бездушным человеком, разыгравшим собственное похищение?

Со скоростью ракеты я преодолела расстояние до станции и успела вскочить в электричку. Сердце бешено колотилось в груди, норовя вырваться на свободу.

- Ой, мамочки, да, что же это происходит, - причитала я себе под нос. Благо, по соседству никого не было.

Я не помню, как добралась до дома, очнулась, когда захлопнула за собой дверь, опустилась на пол и почувствовала шершавый язык на своем лице.

- Силочка, - завывала я. Кажется, что-то подобное было вчера.

Пес слизывал мои бегущие водопадом слезы и недовольно пофыркивал. Сегодня он меня в сольном завывании не поддерживал.

После рыданий я еще долго всхлипывала и жаловалась собаке на беспринципных людей, потерявших разум благодаря зависимости.

Силантий смотрел на меня с укоризной, будто призывал не навешивать ярлыки заранее.

- Все и так ясно! – пошла я в атаку, будто мой собеседник был адвокатом Владимира Вострикова, быстро перечислила все существующие на свете отрицательные черты характера, которые сосредоточились в одном человеке, и перешла к собственной персоне.

– Но я то! Как я могла заочно влюбиться! Полная дурында, как говорит Ника. Пол-на-я!

Вспомнив про подругу, я с опаской посмотрела на дверь, ожидая вчерашнего пришествия. И тут же перевела взгляд в зеркало, желая оценить потери в собственной внешности, постоянно подвергающейся критике со стороны Трегубовой.

- Такое чувство, что на меня обозлился встревоженный улей! – вздохнула я, постукивая кончиками пальцев по лицу, словно старалась вернуть себе легким массажем нормальный лик. – Силочка, - с умилением обратилась я к верному псу, - ты, наверное, голодный, и прогуляться не прочь?

Силантий подтвердил мое предположение одиноким «Гав».

- И договориться мы не сможем?

Уступки не последовали – мой четвероногий приятель отложил прием пищи на потом, стянул с вешалки ошейник и радостно завилял хвостом.

Для начала я прислушалась к подъездным шумам. Кроме передвигающегося вверх-вниз лифта, ничего не услышала, осторожно приоткрыла дверь, оценила лестничную клетку на присутствие посторонних, кивнула псу, дескать, можно, и потянула его на лестницу. Сегодня я благоволила к пешим прогулкам, спринтерским пробежкам и лжи. Завтра будет новый день, который расставит все по привычным для меня местам, как приходящая домработница, которой у меня, естественно, не было...

На следующий день явилась мадам Трегубова, взяла на себя роль внимательного слушателя, в заключение погладила меня по голове, на удивление не обозвала дурындой и заявила.

- Все хорошо, что хорошо заканчивается. Для тебя. А отношения между отцом и сыном тебя не касаются. Пусть, хоть, поубивают друг друга!

- Ника, ты не права! – затупилась я за Востриковых, которые мне были в глубине души симпатичны. Оба. Или один немного больше, несмотря его ужасный поступок?

- Это что-то новенькое! – подхватила подруга. – Уж, не влюбилась ли ты часом в этого типа без моральных принципов.

- Я? – возмущилась врушка. Снова врушка. Желание лгать засело глубоко, клещами не вырвешь.

- Ты! – пригвоздила меня к месту Вероника. – Но я не стану трепать твою и без того растрепанную душу, а предлагаю посетить салон красоты и немного пошопинговать. – Заметив недовольство на моем лице, она выпалила на одном дыхании. – Уговор дороже денег!

- Так уговор когда был, - протянула я, надеясь на снисходительность подруги.

- Мы не будем делить жизнь на этапы! Какая-то дурацкая трубка не внесет коррективы в наши планы! – с трибунным пафосом заявила Трегубова. Силка ей привычно поддакнул, надеясь на присоединение к нашему дуэту. – Уважаемый Силантий Виолеттович, Вам придется остаться дома в качестве секретаря и записывать всех посетителей, желающих получить аудиенцию Вашей хозяйки.

- Слушай, Ника, а ведь эти... Востриковы могут прийти за трубкой! – простонала я, вспомнив, что потерянная вещь так и осталась у подруги.

- Не застанут сегодня, придут в другой день! - Ника порылась в сумке и выложила курительную трубку Вострикова. Я тут же представила его на своей лоджии в удобном кресле в позе мечтателя и тяжело вздохнула.

- А что я им скажу? – захныкала я для вида. Оказывается, у меня есть шанс еще раз увидеть отца и сына, если, конечно, они не объявили друг другу войну, а военные действия не захватили их целиком, заставив позабыть о талисмане.

- Ни-че-го! Отдашь Силкину находку и дело с концом. Гудбай, мальчик Вова! Иди, кури свою трубку!

- Представляешь, он любит гулять в нашем парке!

- И что из этого? Пусть гуляет! – разрешила она. – Парк общественный, тобою не арендуемый.

- Я теперь туда ни ногой!

- Ну, и дурында! – с чувством сказала подруга и потащила меня к выходу...

Мы едва успели добежать до подъезда, когда на землю обрушился водяной потоп.

- Вот это стихия! Это мне подарок ко дню рождения! - с восторгом заметила Ника, - весь август дождя не было! - Затем восхищение подруги перенеслось на меня. - Вилка, какая ты красавица! Я не устану тебе это повторять, хотя, прошла уже неделя после твоего сказочного преобразования из Золушки в принцессу.

- Фея ты моя! – улыбнулась я и потянула ее к лифту.

- Я очень добрая фея! – подтвердила она. – Твои наряды не исчезли ровно в полночь, и ты не превратилась в замарашку.

Я по привычке попыталась найти сзади косу, не нашла, ласково пригладила короткое каре с заданным затылком и удлиненными прядями спереди, как поставила диагноз моей новой прическе Вероника, в который раз полюбовалась одним из платьев, купленным в тот памятный день и изменившим мою фигуру.

- Теперь я стала стройной и длинноногой!
- Ты всегда была такой, только любила выпячивать недостатки и прятать достоинства. Но надо признать, что за эту неделю ты сильно похудела.
- Минус пять кило, - прошептала я ей на ухо.
- Вот, что с людьми делает любовь, - по старушески запричитала Трегубова.
- Окстись! Кака така любовь!?
- Така, девонька, така. – смахнула невидимую слезинку Ника. – Не маленькая, должна знать.

Двери лифта разъехались, и мы остолбенели.

Возле моей квартиры стояли двое мужчин очень похожих друг на друга. Только один был моложе лет на тридцать. В груди баянист развел меха в стороны и сразу соединил их, перекрыв мне доступ воздуха. Интересно, когда человек влюбляется, так всегда происходит? - мелькнула в голове мысль и пропала, испугавшись настойчивого постукивания молоточков по вискам.

На лестничной клетке началось перемещение людей в замкнутом объеме. Все что-то говорили, убеждали, представляли друг другу, в итоге масса из четырех человеческих тел влилась в мою квартиру, я хотела закрыть дверь, но Вероника ухватила за ручку и заявила.

- Не буду вам мешать!
- Ты куда? – перепугалась я.
- К Олегу Карузову! Все забывала тебе сказать... У нас свадьба через пять дней. Так что приглашаю всех!
- Трегубова, ну, ты даешь! – восхитилась я скрытностью подруги.

Ника махнула на прощание рукой и исчезла.

Я хотела вернуть Владимиру его курительную трубку и... распрощаться навсегда. Отгородиться от всех и заняться оплакиванием несчастной женской доли. Но они уходило не собирались, расположились за обеденным столом, выложили фрукты, шампанское, конфеты и начали излагать историю похищения, перебивая друг друга...

Владимир предавался любимому занятию на скамейке парка, когда услышал в кустах возню и женский крик, молящий о помощи. Он, не раздумывая, бросился на зов, увидел в тусклом свете фонарей две фигуры – мужскую и женскую, но не успел ничего предпринять - получил сильный удар по голове и потерял сознание.

Пришел в себя в незнакомом доме со связанными руками и ногами и раскалывающейся от жуткой боли головой. Похитители хотели продлить забвение мужчины и, скорее всего, во время беспамятства вкололи ему снотворное, так как от одного удара, пусть и сильного, он не очнулся бы только под утро, когда за окном небо на востоке просветлело, о чем он мог судить, расположившись на старомодном диване у окна. После состоялся разговор с отцом. Несмотря на полусонное состояние, Владимир сообразил дать ему подсказку и опять провалился в беспамятство. Очередное возвращение к жизни произошло вечером, когда вернулся один из похитителей и громко хлопнул дверью. Его напарник весь день накачивал себя спиртным, Марсель недовольно хмыкнул и решил догнать приятеля, пребывающего в сильно расслабленном состоянии. Когда их понимания окружающего мира уравнились, освободившийся своими силами Владимир с легкостью связал горе-похитителей и вышел на улицу, чтобы сориентироваться на местности. В эту минуту мы и столкнулись на пороге дома.

Мне неловко было спрашивать, но я не удержалась.

- Леонтий Павлович, Ваша бывшая супруга причастна к похищению?
- Как я и предполагал, Надежда стал генератором идеи. И ей, и ее поделникам уже предъявлено обвинение. – Подвел он черту в неприятном разговоре и сразу превратился в сваху, перечисляющую достоинства находящегося здесь молодого человека.

Владимиру стало неловко, а мне весело. Я любила их обоих, будто один из них давно был моим мужем, а другой замечательным свекром.

Потом мы пили шампанское и беспричинно хохотали. Никогда мне не было так спокойно и хорошо. Почти, как в детстве, когда мы с отцом шли по мелководью и разговаривали. Затем о себе напомнил Силантий, до сей поры игнорирующий нашу компанию и скучающий в одиночестве под диваном. Или ему надоело уединение, или он сделал собственные выводы относительно гостей, которые показались достойными для общения с умной собакой, но сначала из-за угла показалась мордочка кирпичиком, а после и он сам – черный мохнатый коротконогий пес с куцым хвостом.

- О, да это Силантий! – поприветствовал его Леонтий, вспомнив мои рассуждения о домашних питомцах.

Силка негромко твякнул, словно подтвердил, с гордым видом прошествовал на середину и присел в ожидании в позе копилки. Вострикивы с умилением посмотрели на него, Владимир не удержался, подхватил пса на руки, прижал к себе и что-то зашептал на ухо. Удивительно, но Силантий не сопротивлялся.

Этот мужчина никогда не обидит мою собаку, - подумала я.

- Идемте в парк! – предложил Леонтий Павлович и почти сразу исчез.

Мы остались втроем: я, мой любимый мужчина и мой умный пес, напряженно выискивающий в кустах свадебный подарок для нас...

Июль 2011года
г. Ростов-на-Дону